

ZOTOB®

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

представляет книги Зотова

цикл КАЛАШНИКОВ & МАЛИНИН

Ад и Рай
Демон плюс
Минус ангел
Элемент крови

цикл АГАРЕС & АВАДДОН

Апокалипсис Welcome
Апокалипсис Welcome. Страшный Суд 3D

цикл ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ!

Москау
Сказочник

цикл КИРИЛЛ & МИЛЕНА

Республика Ночь

цикл АЛИСА & КАЛЕДИН

Печать Луны
Череп Субботы
Скелет бога

ZOTOB®

ЧЕРЕП СУББОТЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Зотов, Г.А.

3-88   Череп Субботы : [роман] / Зотов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Невероятный Зотов).

ISBN 978-5-17-095227-4

Кто вскрывает гробы самых известных людей по всему миру? Кому нужна голова поэта, кровь бога и рука суперзвезды? Зачем похищен прах знаменитостей в Москве, Париже, Лос-Анджелесе? Ни один человек не сможет угадать цель «грабителя могил».

Завораживающий мистический триллер от мастера черного юмора. Церемонии культа вуду, загробная магия, «проклятие куклы», рецепт создания настоящих зомби: автор тайно приезжал на Гаити — «остров мертвых».

Альтернативная история: Россия XXI века, где не было революции. Новый язык Российской империи: сотовый телефон — «рукотреп», гаишник — «бабло-сбор», стриптиз — «телоголица», Мэрилин Мэнсон — «Идолище поганое». Фирменный стеб над культовыми фильмами ужасов, политикой и попсой. Драйв сюжета, который не отпустит ни на одну секунду.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095227-4

© Зотов Г.А., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

Пробуди мой сладкий сон —
Тогда, когда я уже мертв..
Rage, «Wake me when I'm dead»

Пролог

...Это не было лицом. На белой, отсыревшей от влажности стене проявлялось нечто уродливое, вроде маски ужасов — из тех, что продают на Хэллоуин в любом уличном ларьке. Темные очки, неизменная сигара, рот в оскале вечного смеха и вышедший из моды цилиндр. Древняя старуха, одетая в столь же старое платье, с изрядно пожелтевшими кружевами на пышной юбке, стиснула между пальцами уголек — тот мгновенно исчез, слившись с иссиня-черной кожей. Поджимая вялые губы, оценивающе прощупав взглядом «маску», женщина сделала пару резких штрихов — стекла очков сочно налились угольной тьмой. Она не забывала следить, чтобы красота барона не поблекла: записной щеголь способен оценить такое любовное отношение. Покашливая, старуха скользнула назад — мизинцы обеих рук сошлись в перекрестье знака. Она почти-тельно, с достоинством поклонилась изображению на стене: из глазницы черепа лениво ползла нарисованная кобра, отсвечивая крестом на капюшоне. Никто на острове не рисковал спрашивать мамбо, сколько ей лет — да она и сама, даже если бы захотела, не смогла

ЧЕРЕП СУББОТЫ

ответить на этот вопрос. Вот уже очень долгие годы старуха жила не только без паспорта, но и без фамилии. Люди старались держаться от нее подальше, она платила им взаимностью. Ближайшая к ее *хунфору* деревня терялась среди буйства джунглей: горстка убогих хижин облепила фабрику по производству рома, чьи облезшие стены давно оплели лианы, а цеха сделались пристанищем обезьян. Впрочем, расстояние не имело значения. Не только в этом селении — но в самом Гонаиве старуху знал каждый уличный пес. Ее распознавали издалека: при ходьбе она горбилась, выставляя острые локти, будто что-то несла в ладонях. Женщины при виде *мамбо* закрывали ладонью глаза, мужчины спешили перейти на другую сторону улицы. Пламя свечи колебалось во тьме умирающим огоньком, освещая морщинистое лицо цвета ночи. Пряди седых волос свисали прямо на кружева платья, щеки старухи запали — от голода и усталости. Нижняя губа заметно выдавалась вперед вместе с капелькой застывшей слюны. Прошептав что-то неразборчивое, негритянка очертила вокруг себя круг — ровный, как от циркуля. Огрызок мела упал на землю. Она села к подножию *митана* — «дороги богов», дерево столба гроздьями украшали созвездия треугольников. Скрестив ноги, старуха закрыла глаза. В голове стучали барабаны — сначала робко, еле слышно... затем — настойчивей. Их зловещий рокот то нарастал, то, напротив, отдалялся, превращаясь в мерное гудение.

...Машина. Старый «Бьюик» с безжалостно содранными боками, в смеси ржавчины и блеклой синей краски — он незаметен ночью и не столь соблазнительен для бродячих патрулей: полиция обожает отбирать автомобили «для нужд отечества». Она отлично

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

видит «Бьюик» — каждую вмятину на дверце, облезшие шины... так, словно стоит рядом с этой ржавой рухлядью. За рулем — водитель, местный, из Гонаива, вцепился в руль, аж руки дрожат. А вот на заднем сиденье — белый. Она взялась пальцами за седые виски, качнулась поближе к *митану*. Нет, точно белый. Ха, они здесь редкость. Кто по своей воле поедет на забытый богами остров, где давно съели всех бродячих собак, а самые добрые люди расправляются с врагами, надев им на шею «ожерелье»? Старуха до боли зажмурилась, всматриваясь в черты его лица. Пожилой, лет за пятьдесят. Морщины. Мягкие волосы с изрядной долей седины. С брюшком, но это нормально в его возрасте. Одет по-клоунски, как и большинство белых в тропическом климате — застиранная красная майка с эмблемой «Кокка-колы», бейсболка и полинявшие до рвотной бледности джинсы. «Бьюик», дребезжа, окружил себя облаками мучнистой пыли — он свернул на дорогу из белых камешков. Ох, как, должно быть, их сейчас трясет. Визитер борется с позывами тошноты в горле: майка прилипла к телу, словно залитая сиропом, на зубах хрустит белесая пыль. Он считает секунды — ждет, пока появится у порога *хунфора*.

Нет никаких сомнений. **Он едет к ней.**

Примерно с пару минут *мамбо* пыталась проникнуть в мысли незнакомца, но это ей не удалось. Какой-то сумбур: нагромождение идей и планов, смерть, разрушение, и нечто сладкое, наподобие пальмового сахара. Нет ничего понятного. Ладно, парень сам расскажет. Ведь очень скоро он будет здесь.

Дверь не скрипнула — ее в *хунфоре* попросту не было. Шагнув из душной ночи в полутемное святилище, незнакомец машинально вытер пот со лба.

ЧЕРЕП СУББОТЫ

— *Комо йе!* — сказал он, обращаясь к старухе, сидящей у митана.

— *Па ти маль, мвен контан коннен,* — ответила та и перешла на английский. — Благодарю за показную любезность, но я неплохо владею наречием белых. Пусть это и не твой родной язык... однако он ведом тебе, не так ли?

В голубых глазах незнакомца не отразилось и тени удивления. *Мамбо* видела, как нарисованные змеи на потолке над его головой шевельнулись, раздув капюшоны. Одна из кобр коснулась бейсболки раздвоенным языком.

— *No problem,* — с интонацией из голливудских фильмов сообщил чужак — к его счастью, он не смотрел вверх. — Меня прислал Люкнер. Мы душевно пообщались в Майами: старик пообещал, что ты поможешь мне... в некоем деликатном аспекте. Ты одна — и больше никто. Он просил передать: часто и с удовольствием вспоминает вашу работу... ту, в подвале Сахарного дворца.

Змеи замерли, вдруг окаменев. Старуха тоже застыла, переведя взгляд на череп в цилиндре. Люкнер... Она вспомнила, что никогда не видела глаз «дядюшки с мешком» — как и положено, их скрывали темные очки. Сопратник *доктора* не снимал их даже ночью. Двадцать лет назад Сахарный дворец исчез в пламени. Люкнеру пришлось скрыться, чтобы не надели «ожерелье».

Мамбо осталась в джунглях; к ней боялись не то что прикоснуться — просто приблизиться. Разбуди сейчас любого человека в Гонаиве, и он, обливаясь от страха липким потом, расскажет — КАКИЕ вещи происходят в ее *хунфоре*.

Надо же, что за акцент у этого незнакомца... будто восточный... прибавляет излишнюю мягкость к окончаниям слов... *мамбо* такой еще не слышала.

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

— Люкнер — *бокор*, — пожевав губами, произнесла старуха. — Он не пришлет сюда абы кого. Я вижу твои мысли, но не вижу цель. С чем ты пришел?

...Сидящий в машине водитель прикурил сигарету без фильтра — на дермати́н сиденья просыпались крошки мятого табака. По лицу ползли капли пота — он так и не собрал в себе остатки смелости, чтобы зайти в *хунфор* вместе с белым. Дверцы «Бьюика» заблокированы, так до него не сразу смогут добраться... **если что**. Плохое место. Ох, нехорошее. Голодные москиты тонко звенели в душной темноте, кокосовые пальмы у святилища вяло помахивали пышными листьями. Белый заплатил щедро — иначе бы он ни за что не приехал сюда. Негр поднес к лицу растопыренные пальцы: они мелко дрожали. Еще в детстве он слышал, что *мамбо* умеет многое — в том числе убивать одним взглядом, на расстоянии высасывать из черепа мозг, а также свободно летать. После наступления темноты (как сейчас, Бон Дье, вот прямо как сейчас!) никому и вовсе не рекомендуется гулять неподалеку от *хунфора*. Велик шанс столкнуться лицом к лицу не только с *мамбо*, но и с ее слугами. Недаром *хунфор* стоит на отшибе, от ближайшей деревни к нему — три мили по бездорожью через болото, мимо фабрики. Может, попросту развернуться и уехать? У белого в багажнике чемодан — новенький, кожаный... килограммов на пятьдесят потянет. Вероятно, там доллары: к старухе никто из клиентов не приезжает с пустыми руками. Но если деньги предназначены *мамбо* — ему не жить. Нет уж, лучше не связываться.

Выслушав гостя, колдунья замолчала. Вытащив из кармана джинсов платок, белый пришелец вытер шею — череп, увитый коброй, казалось, улыбался ему. Интересно, почему старуха находится здесь одна? Куда же

ЧЕРЕП СУББОТЫ

делись ее слуги? Он напряг слух, ожидая услышать шум движения, поступь мягких шагов.

Но не услышал ничего.

— Да, я могу это сделать, — впервые с начала разговора старуха повернулась к нему. — Но ты уверен в финале? Я не могу гарантировать, что из **этого** получится. Расскажу тебе про один случай, в подвале у *доктора*. Там...

Чужак тяжело качнул седой головой.

— Извини, — прервал ее он. — Ты уже сказала главное, остальное — неважно. Я знаю, твои услуги стоят очень дорого, но не для меня. Назови свою цену.

Мамбо уперлась в лицо гостя немигающим взглядом. Белый чувствовал себя курицей на базаре — казалось, она вот-вот проверит рукой его упитанность.

— Ты просишь сделать две вещи, — из губ старухи клетотом рвался шепот. — Даже для меня они довольно сложные. Их исполнение потребует времени, поиска особых компонентов... за ними нужно отправить человека через океан, в леса Дагомеи. Что возьму я? Взамен, белый, я потребую от тебя лишь одну вещь. Впрочем, многим эта цена кажется излишне высокой...

Назвав стоимость услуги, она с радостью увидела: белая кожа гостя побледнела еще больше. *Мамбо* очень любила производить эффект.

— Почему? — заикаясь, произнес человек в джинсах — его руки бесцельно зашарили по телу. — Назови любую сумму наличными, и я сразу же...

— Меня не интересуют деньги, — лениво зевнула старуха, и он сразу уверился, что торговаться не имеет смысла. — К чему они в джунглях? Все необходимое для жизни у меня есть и так — *доктор* был щедр со мной. Боишься? Я готова ждать: подумай и реши. Согласие на

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

словах — я никогда не подписываю договоров. Ты отдашь прядь своих волос, и обрезок ногтя. Вздумаешь нарушить клятву... я найду тебя. Спроси Люкнера: я строго наказываю.

Молчание длилось недолго. Незнакомец полез в карман, где лежал платок. Помедлив, он достал перочинный нож со звоном выскочило лезвие.

— Мне нечего возразить — я согласен, — улыбнулся он, лелея тайные мысли. — Каждый из нас должен получить то, что хочет. Ладно, держи задаток.

Мгновение — и на розовую ладонь старухи легла прядь волос, черных, с сильной проседью. Со второй просьбой пришлось ПОВОЗИТЬСЯ: ногти гостя были ублажены маникюром, но в итоге удалось откромсать кусочек с краешка большого пальца. *Мамбо* расхохоталась: спину незнакомца пронзила дрожь. В смехе ему слышался треск хвоста гремучей змеи.

— Принеси чемодан к *митану*, — скривила рот старуха. — И уходи отсюда — мы увидимся через ночь, в *хунфоре*. Поверь, неискушенным смотреть на мои действия не стоит. Тоже как-то пригласила одного: а он взял и сошел с ума.

Гость закашлялся... мамбо **видит содержимое чемодана в багажнике!** Что ж... надо ли поражаться? Водитель едва согласился подвезти к *хунфору* за тысячу баксов — целое состояние для него... еще бы. Стоит мамбо лишь появиться на дальних окраинах Гонаива, а улицы в центре уже пустеют. Люкнер сказал: ведьму здесь страшатся больше, чем когда-то *доктора*.

Ему повезло.

Один Бог знает, как ему повезло.

Забыв попрощаться, он вышел из *хунфора* на негнущихся ногах. Достал чемодан из багажника и прислонил

ЧЕРЕП СУББОТЫ

его к стене снаружи — снова зайти в хижину не рискнул. В машину сел нормально, но, как только выехали на дорогу из белых камешков, нервы сдали. Человек в джинсах потребовал остановиться у придорожного бара: тростниковая халупа, состоящая из рефрижератора и двух колченогих столиков, — хоть негр-водитель и нервничал, тыкая пальцем в сторону костров в Гонаиве. Пиво, конечно, оказалось теплым — холодильник не работал. «Престиж»... чем хреновей страна, тем понтовей название марки. Он высосал бутылку, не чувствуя вкуса. Ладони дрожали, со лба капал пот. Еще сутки. Ему надо перекантоваться целые сутки. Запрется в номере отеля и не выйдет никуда. Отстегнув аптечку, он извлек таблетку от малярии: запил ее пивом, прикончив вторую бутылку до дна. Дрожь не прекращалась. Неужели такое возможно? Неужели ОНА ЭТО СДЕЛАЕТ? Сердце раздирала радость.

В глубине души он знал: да.

Так оно и будет.

...Проводив гостя, *мамбо* повела себя более чем странно. Не обращая внимания на дорожный чемодан у стены, она вышла из *хунфора* и вскоре вернулась обратно — крепко держа в руках черного петуха со спутанными бечевкой лапами. Отвинтив крышку от бутылки рома «Барбанкур», старуха сделала большой глоток: горло обожгло огнем. Напиток придал ей сил. Держа мел щепотью, *мамбо* чертила вокруг *митана* круг за кругом, быстрыми набросками рисуя рыб, птиц, и звезды — между ними органично вплетались туловища змей, с кругляшами крохотных черепов. Подушечки черных пальцев побелели; она кашляла, вдыхая пылью от рассыпанной муки. Дорисовав, старуха встала у ярко-красного барабана — верх был обтянут кожей, на

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

ней сохранились чьи-то татуировки. Выдохнула горячий воздух, выбивая дробь сильных ударов: раз за разом, они перешли в мерный рокот, не так давно звучавший у нее в голове. *Мамбо* раскачивалась под ритм — плавуче, как кобра под дудочку факира, не забывая прикладываться к бутылке с ромом. Змеи на потолке заново ожили, сплетаясь и роняя яд, глаза черепа в цилиндре открылись — они испустили лучи зеленоватого света.

— *Сааантериаааааааааааааааа*, — хрипло пела старуха, вслепую отбивая дробь. Кожа барабана дрожала, упруго поддаваясь ее ладоням.

Она открыла глаза, и зрачков не было видно: только тьма, глубокая и беспросветная — словно на дне океанской впадины. Сжав жесткими пальцами трепещущего петуха, *мамбо* одним движением откусила ему голову — и сплюнула ее в меловой круг. Черную кожу оросили алые капельки. Ноги птицы дергались, она суматошно хлопала крыльями. Продолжая петь на одной ноте, раскачиваясь из стороны в сторону, старуха быстро ощипывала чушку, размазывая по губам теплую кровь — вкус плавил мозг, не уступая рому. Перья кружились у *митана* вихрем; сжедав кровь, *мамбо* ногтями содрала с ощипанного петуха кожу, чушка повисла на крюке в центре столба: барон принимал жертву только тогда, когда она освобождена от оболочки. Женщина упала на пол. Извиваясь и шипя, она поползла по рисункам змей, крутясь в диком танце, стирая линии черепов — старуха ощущала, как в животе разом закопошились десятки *лоа*. Ром... еще рома и крови... смешать их вместе... ЕЕ ТЕЛО СЖИГАЕТ УЖАСНАЯ ЖАЖДА. Насытившись, она обвила руками *митан*. Повисшие флаги дрогнули. Один раз. Второй. Третий. Из рта *мамбо* потекла кровь. **Череп в цилиндре отделился от стены и двинулся**

ЧЕРЕП СУББОТЫ

к ней... Сухощавый господин с тросточкой, зеленым сиянием из глаз, смертельно бледный — как ему и положено быть...

Ослепленная трансом мамбо не видела: у порога из предрассветной тьмы появились тени. Некоторое время они стояли перед входом, будто не решаясь войти. Наконец первая тень сделала шаг вперед — тихо и медленно качаясь.

...У нее не было головы.

Так же, как и у всех остальных.

Глава первая МОНАСТЫРЬ

(Ровно через годъ, Псковская губернія)

Отцу Иакинфу ужасно хотелось процитировать Старый Завет. Честное слово, он бы так и сделал — но опасался банальности. «Разверзлись хляби небесные» — это и без него уже сказали все, кому не лень. А что поделаешь — с самого вечера дождь зарядил как из ведра: хлещет, ни один зонт не спасает. Искоса поглядывая на спутницу, монах мысленно клял себя за слабость мыслей. Эх, точно бесы (прости, прости, Господи!) ее к ним в обитель на ночь глядя принесли. Ай-ай, проездом один день, хочет помолиться на могиле. Дело-то, конечно, благое (как и любая молитва), да только Святогорский монастырь — он мужской, и видеть слабый пол братии заказано уставом. Стоит сюда единой ножкой заступить красотке, и пиши пропало: начнутся в кельях разговоры всякие — а там, глядишь, дойдет до видео девок срамных, чьи картинки принес в бесовском смартфоне послушник Петенька... и клялся, подлец, Христовым именем — мол, на дороге у обители нашел! Вот и приходится — будто

PREMIERE PARTIE: САНТЕРИЯ

тать, избегая иночих глаз, под покровом ночи вести девицу к обелиску. Застанут их вместе, то-то будет Содом и Гоморра: слава Создателю, что братья десятый сон видит, да и дождь стеной, гроза... никто не прослышит, как-никак, полночь на дворе. Открыл ворота, чтобы впустить гостью, да так незапертыми их и оставил: нечего засовами греметь лишний раз, шум на всю округу. Пять минут туда, пять минут обратно, помолится, мобилкой склеп сфотографирует — и вся недолга. Сохраняя суровый вид, рослый монах украдкой посматривал на свою спутницу. Одета прилично, без всяких этих мини: черная юбка ниже колен, завернута в фиолетовый плащ, строгие роговые очки — волосы белые, как солома, убраны в пучок. Оххохоооооо... если бы не звонок старого приятеля, с коим не виделись с гимназии, Иакинф в жизни за это бы не взялся. Но отказать другу неудобно, обидится. Монах поднял зонт, охраняя гостью от барабанивших капель. Его ряса безнадежно насквозь промокла.

— Осторожнее, барышня, — сказал он. — Плиты у нас дюже скользкие-с. Намедни сам министр двора, граф Шкуро, приезжал, так конфуз вышел. Стал его сиятельство венки возлагать, да прямо с венком в лужу и на вернулся.

— Спасибо, — девушка ответила с нотками хрипотцы: так, словно у нее начиналась ангина. — Со мной такого не случится, батюшка. Я не на каблуках.

О, вот что верно — то верно. Не туфли на ее ногах, а просто танки. Эдакие приспособления, вроде солдатских ботинок на платформе. Лицо землистое, как после долгой бессонницы, но с ярким румянцем — думается, не меньше полфунта коньяку вечером приняла. А уж грудь-то выпирает под плащом... тьфу ты, прости меня, Господи Вседержитель! Нет, неспроста на Афонскую